

АВТОРСКИЙ ЛИСТ

Максим Момот

ПРОШЛОЕ ИМПЕРИЙ И ИМПЕРИИ БУДУЩЕГО

Вышедшая недавно книга Егора Гайдара, посвященная анализу причин гибели Советского Союза, призвана, как отмечают некоторые наблюдатели и участники событий, в том числе Михаил Горбачев, задним числом оправдать распад страны. Так это или нет, но, в любом случае, желание автора показать неизбежность и, самое главное, благотворность ликвидации всех и любых империй, очевидно. Стремление продемонстрировать неизбежность гибели империй именно в современную эпоху торжества капитализма и демократии особенно примечательно на фоне возрождающейся Китайской империи, уже начинающей понемногу превращать соседние государства в своих вассалов, и развития того феномена, который принято называть «американской империей». Каковы же истинные причины распада и возникновения империй?

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Концепция краха империй, изложенная в книге бывшего российского премьера Егора Гайдара, незамысловата. Существуют диспропорции в историческом развитии у разных народов, позволяющие одним подчинять себе другие. Когда начался современный экономический рост, европейские страны, благодаря тому, что этот рост начался именно у них, создали обширные колониальные империи из-за возросших военных возможностей. К середине XX века население колоний получило доступ к современному оружию, овладело тактикой партизанской войны, в результате чего колониальные империи были демонтированы. Советскую империю, кроме того, подкосило падение цен на нефть в 1980-е годы¹.

Схема выглядит гладко и в целом верно, однако тут кое-чего недостает. Краху западных империй предшествовало то, о чем людям с либеральным мировоззрением говорить неприятно. Вот что пишет о причинах упадка Британской империи английский историк Мартин Пью: «... С конца 80-х

¹ Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 24–25, 31–32.

годов [XIX века] стали наблюдаться признаки вырождения городского мужского населения... Британское военное командование... обнаружило, что шесть из десяти добровольцев, решивших отправиться на [англо-бурскую] войну по физическим данным не годятся для военной службы. Это, конечно, только усилило лагерь тех, кто считал, что в трущобах британских городов растет раса дегенератов. Власти не оставили без внимания этот вопрос, и скоро была создана специальная правительственная комиссия по проблеме физического вырождения»².

Чего же больше всего боялись британцы того времени? Во-первых, могла начать сокращаться общая численность населения, а это вело к подрыву мощи державы и ее колониальной империи. Во-вторых, уменьшение числа детей в семьях среднего класса могло привести к сокращению доли представителей свободных профессий и предпринимателей в составе населения³. Последнее опасение не оправдалось, но зато первое, похоже, оправдалось целиком. Высшее военное командование России позапрошлого века также с тревогой рапортовало о быстром ухудшении здоровья новобранцев к началу XX века. Проблема была общей для Европы.

Егор Гайдар, вдаваясь в подробности военного аспекта ухода европейцев из колоний, невзначай разоблачает основную причину недостатка военных сил у западных стран. Дело в том, что колониальные войны всегда велись добровольцами, а в 1950–1960-е годы их уже не было, и встал вопрос о комплектовании экспедиционных корпусов по призыву. Это было неприемлемо для населения метрополий, отчего удержать колонии оказалось невозможно. Но почему же не стало добровольцев, хотя раньше они были? Ответ, по всей видимости, состоит в резком падении рождаемости в западных странах к 1920-м годам. Те, кто не родились тогда, соответственно, не смогли завести семей к 1940-м, а потому и в 1960-е воевать уже было некому.

Империя гибнет в тот момент, когда не из кого набрать добровольцев, готовых ее защищать и когда иссякает поток колонистов. И то и другое связано с резким падением рождаемости. Это естественная закономерность. *В XIX веке рост населения Европы и США обеспечивался улучшением условий жизни, в то время как в Азии высокая рождаемость сводилась на нет высокой смертностью. Это и позволило европейцам создать империи.* В тот момент, когда улучшение условий жизни в развивающихся странах сделало для них возможным резко повысить численность населения, европейская администрация там была просто сметена. Статистика неумолима: в 1960 году европейцы и выходцы из Европы составляли четверть населения земли (750 млн. из 3 млрд.), в 2000-м — уже одну шестую, к 2050-му они будут составлять лишь одну десятую.

В 1914 году все население огромных британских колоний составляло 350 млн. человек. А сегодня в одной только Индии (без Пакистана и Бангладеш, также входивших в состав британской Индии) — миллиард человек. Каким же образом британцы могли бы ее удерживать до сих пор? Сегодня

² Пью М. История Великобритании. Н. Новгород, 2003. С. 124–131.

³ Там же. С. 130.

в крошечном Бангладеш, площадь которого немногим превышает площадь Греции, живет больше людей, чем в России. Британия физически не в состоянии была бы удержать даже этот клочок земли. Население бывшей британской Нигерии также давно перевалило за сто миллионов. В крупнейшем городе и бывшей столице этой страны, Лагосе, в 1914 году жило 75 тысяч человек, в 1950-м — 230 тыс., в 1962-м — 675 тыс., а в наши дни — больше 6 млн.

Бросается в глаза и такое обстоятельство. Китайская империя сегодня стоит примерно на том же месте, где стояла две тысячи лет назад, она не только не собирается распадаться, но и укрепляет свои позиции. Тезис Гайдара о распространении современного оружия среди подчиненных народов империи как причине ее распада в данном случае не работает. Ни уйгуры, ни тибетцы, ни монголы не ведут партизанских войн против Пекина, что они должны были бы делать в соответствии с теорией Гайдара. Какие-то сведения доходят о волнениях уйгуров, но очевидно, что шансов развалить Китай у них немного. Можно возразить, что китайцев в Китае более 90 %, и это — национальное государство. Но РФ, где русских — 80 %, тоже национальное государство, однако партизанская война на Северном Кавказе от этого не прекращается. *Но каким образом партизанская война против империи вообще связана с ее распадом, если Советский Союз распался без всякой партизанской войны против него?*

Империи распадаются не потому, что «варвары» получают такое же оружие, какое есть у нации, сплывающей империю. *В действительности только резкое сокращение рождаемости и физическая деградация населения в метрополии, а также резкий рост коренного населения колоний способны окончательно обрушить империю.* Можно высказать предположение о тесной связи, существующей между сокращением рождаемости и биологическим вырождением. Перестает действовать естественный отбор, в генах накапливаются аномалии, и лишь медицина позволяет удерживать жизнь во все более нездоровых поколениях. Вероятность того, что из 5–10 детей, которых рождает женщина на Ближнем Востоке, хотя бы 3–7 будут полностью здоровыми, велика. Вероятность того, что единственный ребенок европейской женщины будет полностью здоровым, напротив, мала. Природе нужно предоставлять несколько попыток, давать шанс, а как раз его-то ей на Западе и не оставляют. Странно наблюдать демонстрации протеста в нищем Ираке или в Палестине. Создается впечатление, что на одной площади там больше здоровых мужчин, чем в какой-нибудь европейской стране.

Ситуацию в России можно считать демографической катастрофой. По словам главного санитарного врача страны Геннадия Онищенко, к категории «практически здоров» можно отнести лишь каждого десятого российского школьника. Он объясняет это перегрузками в школе и плохим питанием. Однако у русских крестьян в позапрошлом веке условия жизни были несоизмеримо хуже, но люди были куда здоровее⁴. Уже более 40 лет Рос-

4 Доска с фотографиями студентов с начала XX века до наших дней, имеющаяся в некоторых российских вузах, могла бы служить наглядным пособием по изучению физического вырождения.

сия находится в числе стран с самой низкой рождаемостью в мире. Аборты стали здесь общепризнанным средством планирования семьи, уничтожая не только потенциальных граждан, но и нанося большой вред женскому здоровью. Хотя связывать с этим очевидные черты физического вырождения населения неполиткорректно, ведь в таком случае рухнет все грандиозное здание современного либерализма.

Это еще раз говорит о том, что демография определяет судьбу народов и империй. Сколько бы унижения ни испытывал Китай в XIX веке, к концу XX-го он все равно возродился, поскольку имел растущее и здоровое население. Военное чеченское сопротивление, обладавшее точно таким же (иногда тем же самым) оружием, каким и российские войска, было разгромлено (это к тезису о партизанской войне как причине краха империй). Лидеры повстанцев открыто признали, что победить федеральные войска нельзя. Однако почти нет сомнений в том, что, если все будет идти, как идет, Россия Чечню потеряет, ведь русское население сокращается, а чеченское растет. В таких условиях контроль над республикой исчезнет сам собой. Шесть лет назад по всей России еще можно было собрать армию для покорения Чечни, удастся ли ее собрать через 10–15 лет против усилившегося противника — неизвестно.

Поражает проницательность некоторых западных аналитиков, не останавливающихся перед темами, которые считаются полузапретными в российских экспертных кругах. В конечном итоге Советский Союз обрушился из-за того «беспрецедентного биологического ущерба», который, по словам Збигнева Бжезинского, причинило русскому народу коммунистическое правление. «Огромное число наиболее одаренных и предприимчивых людей были убиты или пропали без вести в лагерях ГУЛАГа, и таких людей насчитывается несколько миллионов, — констатирует он. — Кроме того, страна также несла потери во время Первой мировой войны, имела многочисленные жертвы в ходе затяжной гражданской войны, терпела зверства и лишения во время Второй мировой войны... Экономическая политика страны была абсолютно индифферентна к экологическим проблемам, в результате чего значительно пострадали как окружающая среда, так и здоровье людей. Согласно официальным статистическим данным России, к середине 90-х годов только примерно 40 % от числа новорожденных появлялись на свет здоровыми, в то время как приблизительно пятая часть от числа всех российских первоклассников страдала задержкой умственного развития»⁵. В прежние времена высокая рождаемость позволила бы залечить эти раны. Но сейчас уже не прежние времена.

ПОЧЕМУ НЕ ГИБНЕТ «АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ»?

Принимая во внимание все вышесказанное, можно понять, почему «американская империя» не только не разваливается, но и заметно усиливается. В отличие от Франции, Германии, Великобритании и России население

⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 111.

Соединенных Штатов не подвергалось массовому истреблению ни в Первую мировую войну, ни во Вторую. Например, общая убыль населения в процентах от численности на 1914 год, включая потери от понижения рождаемости, после Первой мировой войны составила в Австро-Венгрии 11 %, в Германии — 10 %, во Франции — 8 %, в Италии — 6 %, в Англии — 3,7 %, а в США — всего 0,4 %. Иными словами, убыль населения Соединенных Штатов в процентном отношении была в 25 раз меньше, чем в Германии, для которой Первая мировая война стала катастрофой библейского масштаба. Какие колонии могли осваивать немцы, выложившие трупами своих лучших солдат франко-германскую границу и закопавшие в российских лесах и степях тех, кто мог бы стать гордостью страны в XX веке?

США, кроме того, потратили на Первую мировую войну лишь порядка 8,8 % национального богатства, в то время как Англия — 34,5 %, Германия — 24,7 %, Италия — 20,6 %, Франция — 19,4 %. Проще говоря, *европейские страны были разорены и обескровлены двумя мировыми войнами и подкошены сокращением рождаемости, потому их колониальные империи и распались*. Единственной исторической закономерностью здесь было лишь сокращение рождаемости, обычно происходящее при достижении обществом определенного уровня комфорта.

Быстрый рост населения в США и настоящая демографическая катастрофа у их европейских соперников объясняет, почему «американская империя» укреплялась и росла в то время, когда рушились европейские. Соединенные Штаты без каких-либо серьезных материальных затруднений (несмотря на все утверждения недоброжелателей нынешней администрации) содержат в Ираке 130-тысячную армию, поскольку население самих США — 300 млн. Даже если бы Россия была также экономически развита, как США, содержать такую армию где-либо для нее было бы в два раза труднее, поскольку ее население в два раза меньше. А для миниатюрных Великобритании или Франции это вообще невозможно без всеобщей мобилизации. В то же время американские солдаты в Ираке — добровольцы, как это когда-то было и с самими европейскими колониальными империями.

Заметим также, что иракское сопротивление не способно нанести серьезный ущерб американским войскам, несмотря на то, что обладает современным оружием, гранатометами, минометами, чем угодно, кроме, разве что, танков. Это опять-таки не согласуется с теорией Гайдара, согласно которой войска США в Ираке должны были бы нести большие потери из-за партизанской войны. Даже исламисты признали невозможность победить американскую армию и сделали ставку на разжигание гражданской войны в стране. До сих пор потери американцев в Ираке не превысили 3 тысяч человек, что с военной (но не нравственной, конечно) точки зрения совсем немного, учитывая масштаб операции. Это меньше, чем погибло при терактах 11 сентября 2001 года. *Как и сто, и двести лет назад, «варвары» ничего не могут противопоставить западной армии, если только эта западная армия состоит из добровольцев и достаточно велика. И то и другое связано с численностью и структурой (много молодежи) населения метрополии. Никакого краха империи не происходит, если с ее населением все в порядке.*

Благодаря тому факту, что служба в американских вооруженных силах основана на принципе добровольности, американская публика не оказывает на политическое руководство страны того давления, которое она могла бы оказать. А добровольность службы, в свою очередь, базируется на колоссальных людских ресурсах США, чье население каждый год увеличивается более чем на 2 млн. человек. Возмущение граждан метрополии восстановлением призыва в армию, напомним, служило причиной отказа европейцев от колониальных войн в том случае, если не было собственно военных поражений, как их не было у французов в Алжире.

Таким образом, американская оккупация Ирака подтверждает, что главным фактором краха европейских колониальных империй была неспособность набрать добровольцев для колониальных войн. А это объяснялось потерями европейских стран в двух мировых войнах, сокращением рождаемости и ростом населения самих колоний. Война, которая для США — лишь один из поводов покритиковать республиканцев наряду с их нежеланием признавать однополые браки и подписывать Киотский протокол, для любого европейского государства с миниатюрной армией, сокращающимся населением и увядающей экономикой — немыслимая по масштабу и затратам операция. Соединенные Штаты могли бы удерживать Ирак хоть сто лет, это возможно и с чисто военной точки зрения, и с экономической. Но вот для Франции, например, это совершенно невозможно, как невозможно оказалось сохранить Индокитай и Алжир. Поражение американцев во Вьетнаме, которое можно было бы привести в качестве контраргумента, объяснялось, очевидно, поддержкой вьетнамских партизан со стороны другой сверхдержавы — Советского Союза.

Однако феномен усиления Соединенных Штатов в то время, когда все европейские империи развалились, объясняется не только тем, что США избежали колоссальных жертв и разрушений во время двух мировых войн. Даже в этом случае Америка должна была бы все равно слабеть из-за сокращения рождаемости. Картину меняют иммигранты, наполняющие Америку свежими силами. Проблема их ассимиляции — это важный, но все же другой вопрос. Видимо, для поддержания «империи» США должны увеличивать свое население быстрее, чем растет население в мире в целом.

ИМПЕРИИ И ИЛЛЮЗИИ

Причины краха западных империй более или менее очевидны, но как оценить этот крах, зависит от того, чем были сами эти империи. Ответить на вопрос, что такое империя, проще всего, показав, как она возникает.

Империя является результатом завоевания, а завоевание становится возможным благодаря превосходству. Тот народ, который намного превосходит окружающие в военной силе, создает империю. Чем сильнее народ — тем больше его империя. Откуда берется превосходство в военной силе? Самым простым ответом было бы сопоставление численности народов, однако это правило знает слишком много исключений, самым ярким из которых явля-

ются успешные войны англичан против Китая в середине XIX века. Дело не в численности народа, а в уровне его развития, позволившем англичанам к 1914 году контролировать территорию с населением в 350 млн. человек, хотя самих англичан даже сейчас меньше 50 млн. Казалось бы, ответ найден, империя — результат завоевания развитым государством менее развитых территорий с разными этническими общностями. И потому можно было бы заявить, что распад империй, деколонизация является позитивным процессом, поскольку позволяет подчиненным народам создавать свои государства.

Однако подобные рассуждения в действительности являются ложными. Любая часть территории любого государства была когда-то завоевана, поскольку «ничьей» земли, пригодной для жизни, в мире мало. Принципиальной разницы между требованием «деколонизации», например, Узбекистана, Татарстана или Астраханской области нет. Все это было в разное время завоевано русскими (впрочем, как и вся территория России). Но почему же обладание Астраханской областью не делает Россию империей, а обладание Узбекистаном — делало? *Империя — это обширное государство, в котором основной нации не удалось ни вытеснить коренное население с части территории, ни ассимилировать его.*

Растворив в себе финно-угорские племена центральной России, русские превратили эту территорию в свои исконные земли. Если бы то же удалось сделать в Средней Азии, на Кавказе и в Прибалтике, то никакой Российской империи не было бы, а было бы национальное русское государство. Политика французов в колониях прямо основывалась на вере в то, что их население можно постепенно ассимилировать и сделать французами. От этой идеи отказались лишь после Второй мировой войны, когда стало ясно, что сил не хватает. Подобную эволюцию претерпела и политика Португалии по отношению к своим колониям, но она заняла несколько больше времени. Таким образом, *империя — это неполноценное национальное государство, которое либо станет национальным, если основная нация ассимилирует или вытеснит все остальные, либо распадется на части по этническому признаку.*

Из всего этого следует вывод: начавшийся в середине XX века процесс деколонизации вовсе необязательно остановится у границ европейских государств. Французам уже приходится «деколонизировать» Марсель, заселяемый арабами, русские «деколонизируют» некоторые районы Москвы, где поселяются кавказские народы, белые американцы предпочитают покидать Калифорнию, где белых уже меньше половины. Если считать деколонизацию благом, то русским нужно готовиться покинуть Татарстан, Башкирию и т. д. Северокавказские республики они, в основном, уже «деколонизировали». В Татарстане русских — половина, и в Казахстане была половина. Если можно было покинуть, «деколонизировать» Казахстан, то какие же аргументы можно привести против «деколонизации» Татарстана?

Принципиальная ошибка последовательных сторонников деколонизации и демонтажа империй заключается в отсутствии видения исторической перспективы. Они полагают, что необходимо покинуть захваченные их народа-

ми территории и отдать управление ими тем, кто там живет. Однако каждый метр, каждый сантиметр территорий самих европейских государств был когда-то захвачен силой. Славяне вытеснили угро-финские племена с территории, которая теперь считается исконной центральной Россией. Русские захватили Поволжье, разгромив Казанское и Астраханское ханства, именно поэтому «Волга — русская река». Русские вытеснили тюрков из Дикого Поля — с большей части того, что теперь называется южной Россией и Украиной. Потом началось отнюдь не мирное освоение Сибири. Может быть, Ермак пришел туда с букетом роз, а не с вооруженными до зубов казаками? Но ведь и Сибирское ханство, покоренное Ермаком, возникло в результате завоевания, было обломком монгольской империи. Сам хан Кучум приехал из Бухары и туда же бежал.

Во второй половине XIX века началось завоевание русскими Средней Азии. Если русские ушли из последней, как они смогут объяснить, почему остаются в Сибири и в Поволжье? То же касается других западных государств. Франки когда-то захватили территорию нынешней Франции, вытеснив галлов и римлян, англы захватили территорию Англии и вытеснили кельтов и т. д. В свою очередь, галлы и кельты вытеснили перед этим кого-то еще.

Но, может быть, существует некий продолжительный исторический период, легитимирующий обладание территорией? Нет, не существует, поскольку ни один захватчик еще не был убежден подобными аргументами. Допустим, деяниям англов и франков полторы тысячи лет. Но ведь американцы отобрали у Мексики большую часть ее территории в XIX веке. Европейские страны завоеванное в том веке уже вернули. Значит ли это, что США должны «деколонизировать» Техас, Аризону и Калифорнию? Но почему же, в таком случае, не вернуть индейцам Манхэттен, который колонисты приобрели в результате явно мошеннической сделки? *В либеральной концепции деколонизации и демонтажа империй ничего не сходится, поскольку она пытается выдать слабость за силу и назвать черное белым.*

Кроме того, деколонизация, которая обычно подается как благотворный процесс освобождения поработанных народов, многим этим народам на пользу не пошла. Африка без европейцев стала куда менее приятным местом, чем была при них. Изгнав европейцев, африканцы продолжили умирать от болезней, распространение которых европейская администрация могла бы предотвратить. К этому добавилось самоистребление в ходе внутренних войн и геноцида, которые отнюдь не обязательно происходили бы при внешнем управлении. Если это — достижение прогресса, тогда деколонизация — действительно прогрессивное явление. В Индии дела пошли лучше, но все ее развитие, в любом случае, связано с западными технологиями и институтами, воспринятыми индийцами. Именно европейская администрация прекратила там междоусобные войны и позволила региону начать выкарабкиваться из нищеты. Деколонизация русскими азиатских советских республик также вряд ли пошла на пользу кому-либо, кроме местных коррумпированных элит, приведших свои народы к войнам и беспросветной нищете.

Деколонизация имела мало общего с гуманизмом, поскольку миллионы людей в колониях были брошены на произвол судьбы и лишились всякой надежды на человеческую жизнь. Она не имела ничего общего с «политической волей» метрополий совершить прогрессивный поступок, поскольку объяснялась лишь их бессилием⁶. И она не имела отношения к заботе о самих европейских народах, поскольку целые поколения этих народов, осваивавшие колонии, стали беженцами и изгоями в собственных странах⁷.

По словам заместителя лидера британских лейбористов Герберта Моррисона, произнесенным еще до того, как британцы сняли с себя ответственность за территории, о которых обещали заботиться, предоставление независимости африканским колониям «равносильно передаче ребенку ключа от квартиры, банковского счета и дробовика». События, последовавшие после предоставления африканским странам независимости, полностью

подтвердили эту оценку. Африка превратилась в кровавое болото, европейцам следовало бы стыдиться этого, а не выставлять напоказ свое якобы добровольное решение «освободить» «угнетенные» народы. Франклин Рузвельт, будучи противником колониализма, в период Второй мировой войны был уверен, что для достижения колониями независимости понадобится 50–100 лет. Степень безответственности европейских элит должна была бы его удивить.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИМЕЛА МАЛО
ОБЩЕГО С ГУМАНИЗМОМ, ПОСКОЛЬ-
КУ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ В КОЛОНИЯХ
БЫЛИ БРОШЕНЫ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬ-
БЫ И ЛИШИЛИСЬ ВСЯКОЙ НАДЕЖДЫ
НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Противники колониализма приводят факты низкого уровня образования аборигенов при колониальном режиме. Например, указывается, что в Конго в 1960 году только 16 африканцев получили университетское образование. Но вот вопрос: а сколько бы африканцев получили университетское образование, если бы там не было европейцев?

По всей видимости, тот исключительно позитивный оттенок, который сегодня имеет термин деколонизация, объясняется совместной работой аме-

6 Вспомнить хотя бы знаменитое заявление Черчилля в ноябре 1942 года о том, что он стал премьер-министром не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи. Расширение самоуправления колоний первоначально имело целью вовсе не подготовить их к независимости (это придумано задним числом), а создать условия для сохранения контроля более легким путем.

7 При ликвидации Португальской империи доля репатриантов в населении метрополии составила 10%. В Англии эта цифра была меньше, но, в любом случае, бывшие колонисты и их потомки ощущали себя людьми второго сорта. Возвращающиеся в РФ бывшие жители советских республик сталкиваются с многочисленными трудностями при получении гражданства собственной страны, находятся в унижительном и нетерпимом положении.

риканской и советской пропагандистских машин в послевоенный период. Обе сверхдержавы пытались вытеснить из Третьего мира Францию и Великобританию. Но там, где деколонизация означала приход к власти коммунистов, как во Вьетнаме, США, разумеется, проводили иную политику.

Задним числом, после ухода европейцев из Африки, были придуманы оправдания, сводящиеся к тому, что континент был уже достаточно развит для получения независимости. «Растущий средний класс начал проявлять интерес к национальной идее», — цитирует норвежский специалист по международным отношениям Гейр Лундестад другого историка, видимо, не решаясь подавать подобную чепуху от своего имени⁸. Средний класс в Африке? В первой половине XX века? В России его нет до сих пор.

Однако все это не значит, что борьба с колониальной администрацией обязательно несправедлива. Арабские страны, например, вполне заслуживали независимости. Кроме того, бесконечные жалобы западного общества на те методы, при помощи которых, например, палестинцы освобождают свою землю, в лучшем случае безосновательны (у тех, кто не знает истории) или лицемерны (у тех, кто с ней знаком). Видите ли, исламисты используют религию для оправдания насилия. А каким образом сами европейцы изгоняли, скажем, мавров с территории Испании? Многие епископы имели собственные вооруженные формирования, лично участвовали в битвах. Духовно-рыцарские ордена христиан боролись с оккупацией Пиренейского полуострова не менее жестоко, чем «Исламский джихад» или «Хезболлах» борется с Израилем. Когда в 1483 году испанскую инквизицию возглавил Торквемада, он приступил к массовым преследованиям не только еретиков, но и мавров. Можно возразить, что это было давно. Но что с того, если европейцы пользуются плодами тех побед по сей день?

ФУНКЦИИ ИМПЕРИИ И ДЕМОКРАТИЯ

Любое государство, в том числе структурированное в виде империи, призвано выполнять определенные функции, причем функции эти не равнозначны. Есть первичные и вторичные. Первая и главная функция государства — это охрана человеческой жизни, если же государство не справляется с этой функцией, тогда нет смысла говорить о других. Обеспечение прочих прав, например, права на свободу слова, вторично по отношению к главной задаче. В противном случае возникает логическая путаница. Поэтому, если введение демократических свобод чревато огромными человеческими жертвами, как в случае с распадом СССР, империя, по всей видимости, является более предпочтительным способом организации географического пространства, чем бесконечно воюющие друг с другом и ненавидящие друг друга, готовые осуществлять геноцид «молодые демократии». В последних, в добавление ко всем бедам, обычно еще и падает уровень экономиче-

⁸ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002. С. 305.

ского развития из-за разрыва с метрополией. Есть слишком много оснований полагать, что, даже если образовавшиеся на месте империи варварские королевства станут когда-то цветущими садами, принесенных жертв это не оправдает.

Возражение на вышесказанное очевидно — распад Римской империи привел со временем к формированию нынешних европейских государств, колыбели разума, культуры и современного экономического роста. Да, но была, правда, небольшая «заминка» в тысячу лет, эпоха беспросветного варварства, называемая Средними веками. История Европы почти завершилась в XIV веке, когда эта часть света чуть не вымерла от чумы. В конце концов, наступило Возрождение, то есть восстановление античного наследия, составляющего основу современной культуры. Может быть, надо было просто эффективнее организовать оборону Рима в V веке и подальше отогнать гуннов?

Основной упрек в адрес империй состоит в том, что, хотя имперская структура государственности и обеспечивает мир на большой территории, она несовместима с демократией. Это похоже на правду. Империя, по определению, состоит из разных народов, поэтому выборы в таком государстве могут превратиться просто в выяснение численности различных этнических групп, отстаивающих свои частные интересы, а вовсе не в общегосударственную стратегию развития. Последний пример тому — выборы в постсадамском Ираке, осколке Османской империи. Выборы в слабо развитой стране, составленной из больших этнических и конфессиональных компонентов, превратились в перепись населения. Шиитские партии получают столько голосов, сколько в стране шиитов, суннитские столько, сколько суннитов, то же происходит и с курдами. Шииты испытывают симпатии к Ирану, сунниты, возможно, к «Аль-Каиде», курды вообще хотят отделиться и самостоятельно качать нефть на севере Ирака. Демократия так функционировать не может.

Нечто похожее произошло с Советским Союзом в конце 1980-х. На свободных выборах национальные окраины предпочли не утруждать себя решением общегосударственных вопросов, а просто проголосовать за независимость.

Принцип из всего этого можно вывести следующий — *многонациональные государства, созданные недемократическим путем, как правило, не в состоянии пережить собственную демократизацию*. Нельзя было демократизировать Германскую империю, поскольку поляков туда включили насильно, и они бы проголосовали за независимость. Та же судьба ждала многонациональные Австро-Венгрию, Османскую и Российскую империи. Все они развалились после Первой мировой войны, поскольку у центрального правительства уже не было сил подавлять сепаратистские выступления. Февральская революция 1917 года в России завершилась ничем, так как демократические реформы привели бы к развалу государства. Возможно, запоздалым осознанием этого неприятного факта и объясняется паралич Временного правительства. Видимо, либералы так легко отдали власть, поскольку просто не понимали, что с ней делать в стране, которую реализация их идеалов ведет к краху.

Могла ли Россия остаться «единой и неделимой», если бы население окраин получило право голоса на общенациональных выборах?

Стремление этносов к образованию самостоятельных государственных образований можно считать их неотъемлемой чертой. *Коллективная идентичность позволяет создать структуры доверия, которые становятся структурами безопасности.* Человек объясняет себе, что не должен совершать преступление против соседа, поскольку он — тоже шиит/курд/христианин. Совместные усилия, кроме того, позволяют добиться общих целей — защитить свою территорию либо захватить чужую. Религиозная идентичность может работать так же, как и национальная.

Однако подобные идентичности жизненно важны лишь в слаборазвитых обществах, поскольку в развитых достаточно полиция. Собственно, общество и становится развитым в тот момент, когда забота о личной безопасности может быть доверена официальным структурам. Как только государство слабеет и перестает исполнять свои функции надлежащим образом, национальная и религиозная идентичности вновь выходят на первый план и служат целям самосохранения. Так случилось в Советском Союзе в конце 1980-х, когда центральное правительство уже могло снимать напряжение между армянами и азербайджанцами, осетинами и ингушами, грузинами и абхазами с осетинами и т. д. Безопасность шиитов в Ираке охраняет шиитская милиция, что может быть естественнее, если официальные власти не в состоянии этого сделать?

Демократия в империях, обширных многонациональных государствах, казалось бы, должна непременно приводить к их развалу. Очевидно, однако, что национальные и религиозные идентичности постепенно утрачивают значение по мере того, как официальные власти получают возможность обеспечивать безопасность. То есть, чем более развито многонациональное государство, тем меньше вероятность того, что демократия пойдет ему во вред. Чернокожее население США не спешит отделяться от страны, поскольку оно от этого ничего не выиграет. А вот армянам в конце 1980-х до Москвы уже не было дела, ведь разрешить Карабахский конфликт она не могла.

Таким образом, обширное многонациональное государство, империя, вполне может быть демократическим, если оно достаточно развито для того, чтобы обеспечивать безопасность всем подданным, независимо от их расовой, этнической или религиозной принадлежности (собственно, это и есть символ веры современных США).

ДЕ ГОЛЛЬ И ПЕТЕН

Итак, распад империй — это вопрос скорее демографический, чем политический или военный. Крупные народы, которые способны быстро восстанавливать и увеличивать свою численность, проносят свои империи сквозь тысячелетия, как китайцы (опасения Запада перед их численностью таковы, что пора называть раздел демографии, занимающийся китайской

проблематикой, демонографией). Те нации, которые выбирают жизнь без забот о потомстве или подвергаются чудовищным историческим испытаниям, теряют империи и постепенно исчезают с лица земли, как это происходит с европейцами, в том числе с русскими. Отказ либеральных теоретиков замечать двухтысячелетнее существование китайской империи или формирующуюся американскую — это, надо сказать, не самый большой их недосмотр. Неслучайно некоторые консервативные аналитики считают современный либерализм изощренной формой самоубийства, когда отказ населения развитых стран от воспроизводства подается то как важное достижение цивилизации, то как естественный и благотворный процесс.

Либералы призывают «избавиться от имперского синдрома», считая его опасной болезнью. Однако их противники задают закономерный вопрос: почему убегать отовсюду — признак здоровья, а призывать не бросать сограждан в новообразованных банановых республиках на произвол судьбы — болезненный синдром? Обычно либералы с презрением и опаской относятся к подобным заявлениям, считая их следствием непросвещенности народных масс, которые не способны достичь высот либеральной казуистики.

Примером последней может служить восхваление силы воли, мужества и решимости генерала Де Голля, подписавшего капитуляцию в Алжире и превратившего тем самым в беженцев миллион французов. Разумеется, его трудно осуждать, Франция действительно была не в состоянии продолжать войну, и из Алжира надо было уходить. За это выступало большинство французов. Де Голль на самом деле был мужественным человеком, не прекратившим сражаться после оккупации своей страны немцами. Однако одобренный им уход из Алжира — это следствие бессилия и упадка Франции, а вовсе не мужества ее президента. А маршал Петен, согласившийся на капитуляцию перед Гитлером, разве не становится в такой интерпретации мужественным и смелым человеком, сохранившим жизни тысячам французов? Ведь он тоже принял неизбежное — сопротивляться немцам в одиночку страна не могла, нужно было дожидаться, когда придут союзники. В 1940 году никакой антигитлеровской коалиции еще не было. Более того, Советский Союз сохранял дружественный для Германии нейтралитет.

Первоначально правительство Виши нашло поддержку среди французов. «Петен — это Франция, и Франция — это Петен», — заявил тогда глава французской католической церкви. Престарелый маршал казался человеком, избавившим страну от ужасов войны. Кем бы считали Де Голля, если бы ультраколониалистам в 1960-е годы удалось свергнуть его, установить консервативный режим и вернуть Алжир? Он занял бы во французской истории место рядом с «героем 1940 года». Надо называть вещи своими именами. В Алжире, считавшемся частью Франции, правительство оказалась неспособно защитить миллион своих граждан от местных племен — какое же это мужество? А бессилие французской полиции во время недавнего арабского восстания в предместьях Парижа — это тоже мужество?

Какая-то скрытая зависть присутствует в призывах европейцев прекратить войну в Чечне. Между строк их заявлений так и читается — мы-то давно

сдались, проиграли все войны и убежали из всех колоний, и вы, русские, делайте то же. Ведь если окажется, что хотя бы часть колоний можно удерживать, то в каком же свете предстанут национальные герои европейцев, вроде Де Голля? В 1947 году французы не остановились перед убийством 80 тыс. человек во время подавления восстания на Мадагаскаре. Примерно столько же погибло во время войны в Чечне. А у французов был еще Индокитай (более 90 тыс. погибших французских солдат и офицеров) и Алжир (миллион убитых алжирцев). И после этого Париж предъявляет претензии Москве, распустившей свою империю практически бескровно.

Итак, важно понимать, что не всегда отступление одной цивилизации объясняется успехами другой. Иногда, как это, видимо, произошло в случае ухода европейцев из Африки, дело в кризисе европейской цивилизации, а не в успехах африканской. В данной интерпретации «постимперский синдром» уже не выглядит болезнью, он скорее свидетельствует о попытке ухватиться за жизнь, «остановить мгновенье». Но попытка эта, чаще всего, безуспешна. Новый народ начинает игру сначала.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Римская империя погибла не из-за падения цен на нефть. И не из-за падения цен на нефть рухнул Советский Союз. Экономический кризис, связанный с обесценением основного продукта экспорта, может привести к опустошению бюджета, но сам по себе он не способен служить причиной территориальной дезинтеграции государства. Британская экономика росла весь XX век, но это не позволило сохранить империю.

В конечном итоге объяснение гибели империй банально. Как только имперская нация достигает стадии комфорта, следует упадок воли, крах морали, отказ от заботы о потомстве, в результате чего сохранение империи становится задачей непосильной. Пожалуй, *если бы советская экономическая система была эффективнее и не сдерживала приобретательские инстинкты граждан, страна развалилась бы еще быстрее, поскольку быстрее была бы достигнута стадия комфорта*. Есть подозрение, что победа в Гражданской войне белых и ускорение здорового экономического роста только приблизили бы падение рождаемости и следующий за этим развал страны. Впрочем, пример США говорит об обратном. Но и для них «момент истины», возможно, не за горами, учитывая тревогу консерваторов по поводу наплыва мексиканцев. Падение рождаемости среди выходцев из Европы, являющихся носителями идеи американской государственности и принципов, сделавших Америку великой, не предвещает ничего хорошего⁹.

⁹ Нашумевшим в СМИ случаем стал отказ выходцев из Азии, осевших в США, сотрудничать с полицией и описывать подробности ограбления кафе, в котором они в тот момент сидели. В тех странах, откуда прибыли эти новые американцы, полицию боятся не меньше, чем бандитов. Представители подобной «культуры» вряд ли могут служить основой американской государственности. В какой-то степени это относится и к россиянам, разучившимся доверять государству.

В рассуждениях либеральных комментаторов о необходимости бороться с «имперским синдромом» присутствует негласное признание того, что мы находимся у конца времен, и никаких империй больше не возникнет. Но ведь империи появлялись и исчезали на протяжении всей истории, почему сейчас этот процесс должен прекратиться? Стремление к доминированию заложено в человеческой природе. Это относится и к коллективному доминированию. Поэтому при любой возможности человеческие сообщества пытаются расширить зону своего влияния.

Есть ли будущее у империй? До тех пор, пока население развивающихся стран не подтянется по уровню развития к «золотому миллиарду», теоретическая возможность восстановления внешнего управления над слаборазвитыми территориями сохраняется. Например, управление Афганистаном и Ираком почти буквально превратило США в империю. Однако нельзя оставаться в плену у теории прогресса, развивающиеся страны могут не то что не «подтянуться» к развитым, а войти в новый виток варварства, как это случилось с бывшими советскими республиками в Средней Азии и на Кавказе, а отчасти и с самой Россией в 1990-е годы. Тогда внешнее управление станет не просто возможно, но и необходимо. Но осуществлять его будут уже не европейцы, от которых через несколько десятилетий, при сохранении существующих тенденций, мало что останется, а те же американцы, если Соединенным Штатам удастся сохранить национальное единство при дальнейшем размывании этнического ядра. Китай, если удержит нынешние темпы роста, также сможет предъявить претензии на Среднюю Азию, в очередной раз показав несостоятельность мнения о неизбежности распада империй в современную эпоху.

Упоминание о возможности исторического регресса — это не просто риторическая фигура. О прогрессирующем развале государственности развивающихся стран подробно рассказывает Джон Рэпли в статье «Новые средние века»¹⁰. Соревнуясь в привлечении инвестиций, бедные государства стали снижать налоги и, соответственно, государственные расходы так же, как и богатые. В результате они не могут уже в полной мере покупать лояльность своих граждан за счет социальных программ. Растущие мегаполисы сосуществуют с районами, где нет даже канализации. Развивающиеся государства, стремящиеся модернизироваться подобным образом, теряют контроль над частью своей территории¹¹. По оценке Рэпли, это относится даже к такой преуспевающей стране, как Бразилия. Некоторые районы Рио-де-Жанейро местные политики осмеливаются посещать только с разрешения лидеров тамошних банд. Местные банды обеспечивают политику голоса в обмен на покровительство¹².

Это еще одна сторона того многоликого процесса, каким является глобализация. Как видим, она может привести к чему угодно, и никакой вариант

10 Rapley J. The New Middle Ages // Foreign Affairs. May–June 2006. P. 95–103.

11 Ibid. P. 100.

12 Ibidem.

развития событий нельзя полностью исключить. Сам Рэпли полагает, что неконтролируемые своими правительствами народы, со страхом и горечью вззирающие на американское богатство и величие, могут сокрушить Америку так же, как когда-то варвары сокрушили Рим¹³. Вероятен, впрочем, и другой сценарий, при котором США установят более или менее плотный контроль над особенно проблемными территориями, как это уже постепенно происходит. Где тогда будут аналитики, настаивающие на невозможности существования империй в современную эпоху?

ПЕРСПЕКТИВА

Империи возникают вследствие неравномерности исторического развития, когда более сильный народ включает в зону своего влияния более слабые. *Образование империй, таким образом, может прекратиться в двух случаях: если будет устранена неравномерность развития или если развитие вообще прекратится.* Происходящее у нас на глазах не вписывается ни в один из этих сценариев. Народы «третьего мира» стремительно растут, увеличивают свою численность. С другой стороны, все западные государства, за исключением США, вступили в стадию глубокого упадка. Численность западных народов сокращается, неконтролируемая иммиграция грозит межэтническими столкновениями, чреватými распадом государств.

Если рождаемость на Ближнем Востоке не снизится кардинально в ближайшие 15–20 лет, проамериканские правительства региона могут пасть под напором исламистов, которые сумеют набрать достаточно добровольцев из десятков миллионов молодых людей, лишенных шанса на «буржуазный» образ жизни. В этой ситуации станет возможным осуществление любых проектов, вплоть до воссоздания Халифата или некоего его подобия.

Дальнейшая деградация европейских союзников США, способная повлечь ослабление позиций самой Америки в мире, может спровоцировать не только тектонический политический сдвиг на Ближнем Востоке, но также подвинуть Китай к насильственному демонтажу удушающей его системы безопасности, сформированной американцами на Дальнем Востоке. Возможно, дело ограничится локальными конфликтами, наподобие войны в Корее в 1950-е или во Вьетнаме в 1960–1970-е. Возможно, возникнет более масштабный конфликт. Очередная волна безумия, подобная той, которая прокатилась по миру в первой половине XX века, может повториться и столетием позже. В таком случае даже леволиберальному лагерю придется признать, что слабость нельзя оправдать ничем, даже терминами вроде «деколониализации».

Однако, если человечество будет развиваться стабильно, если Запад сохранит силу и единство, со временем не только расовая, этническая или религиозная идентичность утратит значение в качестве фактора, очерчивающего зону безопасности, его утратит и национальное государство. В тот

13 Ibid. P. 103.

момент, когда государственные границы перестанут быть гарантией безопасности, разделение людей на граждан «развитых» и «неразвитых» стран, бессмысленное и унижительное само по себе, останется в прошлом, и о нем будут вспоминать с тем же смешанным чувством сожаления и раскаяния, как сегодня вспоминают о рабстве или расовой сегрегации.

Но если из-за неконтролируемой иммиграции, с одной стороны, и вырождения народов, несущих на своих плечах современную культуру с ее принципами равенства и уважения личности, — с другой, границы западных стран исчезнут раньше, чем они потеряют значение в качестве защитных валов цивилизации, горе будет и победителям и побежденным. Коллапс западной цивилизации, которую поток чуждых ей иммигрантов из развивающихся стран может просто смыть, станет катастрофой. Нетерпение одних и слабость других могут погубить все. Тогда путь от разделения на рабов и господ, высшие и низшие сословия и расы до нынешнего относительного единства человечеству придется проходить заново. Новые империи возникнут на месте канувших в Лету республик, чтобы со временем вновь вызвать сомнения в своей справедливости и гуманности.